

Амирниязова Ф.

Студентка 4 курса

Отделения русского языка и литературы

Каракалпакский Государственный Университет им. Бердаха

Нукус (Республика Узбекистан, Каракалпакстан)

*Научный руководитель к.фн. доцент **Кабулова Л.Т***

Отделения русского языка и литературы

Каракалпакский Государственный Университет им. Бердаха

Нукус (Республика Узбекистан, Каракалпакстан)

Amirniyazova F.

4th year student

Department of Russian Language and Literature

Karakalpak State University named after Berdakh,

Nukus, Karakalpakstan, Uzbekistan

*Scientific supervisor: Ph.D. Associate Professor **Kabulova L.T.***

Department of Russian Language and Literature

Karakalpak State University named after Berdakh

Nukus (Republic of Uzbekistan, Karakalpakstan)

Аннотация. В статье рассматривается феномен псевдонимов в русской литературной эмиграции первой волны (1917–1930-е гг.). На материале творчества В. В. Набокова (В. Сирин), З. Н. Гиппиус (Антон Крайний и другие) и других авторов (Тэффи, Дон-Аминадо, М. Осоргин и др.) анализируются причины использования псевдонимов, их функции (идентификационная, защитная, стилистическая, экономическая), типологические особенности и роль в условиях рассеяния русской культуры. Выявляются отличия от дореволюционной традиции. Показано, что псевдоним становился важным инструментом сохранения литературной идентичности, адаптации к новым условиям и культурного выживания русской словесности за рубежом.

Ключевые слова: псевдоним, русская литературная эмиграция, первая волна, В. Сирин, Антон Крайний, литературная идентичность, эмигрантская периодика, культурная диаспора.

ВВЕДЕНИЕ

Русская литературная эмиграция первой волны, возникшая после революционных событий 1917–1920 годов, стала одним из самых драматичных и плодотворных явлений в истории отечественной культуры XX века. Миллионы людей, включая значительную часть интеллектуальной и творческой элиты, были

вынуждены покинуть Россию. Центрами русской диаспоры стали Берлин, Париж, Прага, Варшава, Харбин, Шанхай и другие города. В условиях материальной нужды, политической нестабильности, культурной изоляции от метрополии и часто враждебного отношения со стороны местных властей литераторы продолжали творить, издавая книги, газеты и журналы [1, с. 38–53].

По оценкам исследователей, в эмиграции оказалось около 2–3 миллионов русских, среди которых было множество писателей, поэтов, критиков и журналистов. Они создали разветвленную сеть периодических изданий: «Руль», «Последние новости», «Возрождение», «Современные записки», «Числа», «Новый журнал» и многие другие. Именно в этих условиях литературный псевдоним, традиционный для русской словесности, приобрёл новые, порой неожиданные функции [1].

Если в дореволюционной России псевдонимы чаще всего служили для сокрытия имени по цензурным, гендерным или социальным причинам (например, чтобы женщина могла публиковаться в «мужской» критике), то в эмиграции они стали средством конструирования новой литературной личности, защиты от возможных преследований со стороны советских агентов, разделения жанров и, главное, сохранения связи с русскоязычной аудиторией в условиях рассеяния [2, с. 145–167].

Цель настоящей статьи — проанализировать феномен псевдонимов в русской литературной эмиграции первой волны, выявить их основные типы, культурные и практические функции, а также типологические особенности по сравнению с дореволюционной традицией.

Эмигрантские писатели сталкивались с комплексом практических и идеологических вызовов. Во-первых, острая необходимость зарабатывать литературным трудом в условиях крайне ограниченного рынка. Многие авторы публиковались одновременно в десятках изданий, и псевдонимы позволяли «размножать» авторские ипостаси, не перегружая одну репутацию [1, с. 45].

Во-вторых, политическая осторожность. В эмигрантской среде существовали разные политические лагеря (монархисты, республиканцы, либералы, сменовеховцы), и открытая публицистика могла навредить репутации «высокого» литератора. Псевдонимы помогали разделять «чистую» художественную литературу и злободневную публицистику.

В-третьих, психологический и идентификационный аспект. Эмиграция требовала переосмысления собственной биографии, создания «второго Я», которое могло бы существовать независимо от травмы изгнания. Псевдоним становился формой литературной мифологизации и самозащиты [3, с. 412].

Кроме того, в условиях диаспоры псевдонимы способствовали созданию особой атмосферы литературной игры и сообщества «посвящённых». Криптонимы (зашифрованные подписи) и прозрачные псевдонимы легко разгадывались узким кругом читателей, что укрепляло чувство культурной общности [6, с. 78].

Исследователи (М. Шруба, О. Коростелев, В. Хазан и др.) выделяют несколько типов псевдонимов в эмигрантской литературе [1]:

1. Полностью конспиративные — для сокрытия настоящего имени (особенно актуально для журналистов, пишущих на острые политические темы).

2. Прозрачные / частичные — легко раскрываемые (например, инициалы или вариации фамилии).

3. Символические / мифологические — несущие дополнительный смысл (В. Сирин).

4. Жанровые / стилистические — используемые для определённого типа текстов.

5. Коллективные или «маски» — когда под одним именем выступало несколько авторов.

В отличие от дореволюционной эпохи, где доминировали задачи мистификации или социальной маскировки, в эмиграции преобладали идентификационные и адаптационные функции. Псевдоним помогал «вписаться» в новую литературную среду и одновременно сохранить связь с традицией [2, с. 150; 7, с. 368].

Ярким примером преемственности и трансформации традиции служит творчество Зинаиды Николаевны Гиппиус. Уже в дореволюционный период она активно использовала мужские псевдонимы: Антон Крайний, Лев Пушкин, Товарищ Герман, Роман Аренский, Антон Кирша, Никита Вечер и другие. Под именем Антона Крайнего она публиковала острые критические статьи в «Мире искусства», «Новом пути», «Весех» и «Русской мысли» [4, с. 210–215].

В эмиграции эта практика продолжилась. Гиппиус, жившая в Париже вместе с Д. С. Мережковским, сохранила псевдонимы для публицистики и литературной критики. Мужские маски позволяли ей свободно высказывать радикальные, часто провокационные суждения, которые могли бы восприниматься иначе под женским именем. Это было не только защитой, но и стилистическим приёмом: «Антон Крайний» звучал жёстко, бескомпромиссно, что соответствовало её литературной позиции.

Псевдонимы Гиппиус выполняли и гендерную функцию — в эпоху, когда женский голос в критике всё ещё воспринимался с предубеждением. В эмиграции они дополнительно помогали сохранять литературный авторитет в условиях, когда многие авторы теряли читательскую аудиторию.

Наиболее известным и изученным случаем является псевдоним Владимира Владимировича Набокова — В. Сирин. Он начал использовать его ещё в ранней юности в России, но именно в эмиграции (с 1920-х годов) Сирин стал его основным литературным именем [5, с. 12–15].

Причины выбора были многослойными:

5-May, 2026-yil

- Практическая: отец писателя, Владимир Дмитриевич Набоков, активно публиковался в берлинской газете «Руль» как политик и публицист. Псевдоним позволял избежать путаницы среди читателей.

- Символическая: «Сирин» — мифическая райская птица из русского фольклора и славянской мифологии (с головой девы и телом птицы), символизирующая певучесть, красоту и потусторонний мир. Это имя идеально соответствовало эстетической позиции молодого Набокова — утончённой, игровой, ориентированной на высокое искусство.

- Идентификационная: псевдоним позволял создать автономную литературную личность, отделённую от биографии эмигранта.

Под именем В. Сирин Набоков опубликовал в эмиграции большинство своих русских произведений: романы «Машенька» (1926), «Король, дама, валет» (1928), «Защита Лужина» (1930), «Подвиг» (1932), «Камера обскура» (1932), «Отчаяние» (1934), «Приглашение на казнь» (1935–1936), «Дар» (1937–1938) и множество рассказов, стихов, рецензий. Эти произведения печатались преимущественно в «Современных записках» [5, с. 83].

Псевдоним просуществовал до переезда в США (1940). В англоязычный период Набоков вернулся к настоящей фамилии, что символизировало новый этап творчества и адаптацию к другой языковой и культурной среде.

Феномен псевдонимов был массовым. Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая) выбрала звучный, запоминающийся псевдоним ещё до революции, но именно в эмиграции её юмористические и сатирические произведения под этим именем приобрели огромную популярность. Псевдоним помог ей сохранить лёгкость тона и дистанцию от трагических реалий изгнания.

Дон-Аминадо (Аминад Шполянский) использовал псевдоним для фельетонов и стихов, создавая образ остроумного наблюдателя эмигрантской жизни.

Михаил Осоргин (М. А. Ильин) взял псевдоним по девичьей фамилии бабушки ещё в 1907 году, и в эмиграции он стал его основным литературным именем (роман «Сивцев Вражек» и др.).

В харбинской и шанхайской ветвях эмиграции также широко практиковались псевдонимы, часто связанные с необходимостью конспирации или адаптации к многонациональной среде.

В дореволюционной России псевдонимы преимущественно решали задачи сокрытия или мистификации (Козьма Прутков, Антоша Чехонте и др.). В эмиграции на первый план вышли функции сохранения культурной преемственности, литературной самоидентификации и экономической адаптации. Псевдоним становился «визитной карточкой» в условиях, когда физическое возвращение на родину было невозможно, а советская критика объявляла эмигрантскую литературу «белогвардейской» [2, с. 150; 7, с. 368].

5-May, 2026-yil

Эмигрантская периодика активно использовала псевдонимы, что создавало пространство для эксперимента и защиты основной творческой репутации. Это способствовало литературному разнообразию и культурному выживанию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен псевдонимов в русской литературной эмиграции первой волны отражает глубокие трансформации авторской идентичности в условиях изгнания. Псевдонимы решали не только практические задачи (защита, заработок, разделение жанров), но и способствовали созданию новой русской литературы за рубежом, сохранившей и развившей классические традиции Серебряного века. Они стали одним из механизмов культурного сопротивления и самосохранения диаспоры. Изучение этого явления важно для понимания процессов литературной адаптации, идентичности и культурного наследия в условиях глобального рассеяния [1, с. 53].

Дальнейшие исследования могут быть посвящены сравнительному анализу псевдонимов в разных центрах эмиграции (Европа, Дальний Восток) или их эволюции во второй и третьей волнах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 658 с.
2. Хазан В. О некоторых псевдонимах деятелей эмигрантской русско-еврейской печати // Псевдонимы русского зарубежья. — М., 2016. С. 145–167.
3. Крюкова Т. В. Псевдонимы в русской литературе XIX–XX веков. — СПб.: Наука, 2020. — 412 с.
4. Гиппиус З. Н. Литературный дневник (1899–1907). — М.: Аграф, 2000.
5. Набоков В. В. Собр. соч.: В 5 т. — М.: Симпозиум, 1999–2000.
6. Лавринцев П. Псевдонимы русской эмиграции в Европе (1917–1945) // Литература. — 2015.
7. Дмитриев В. Г. Скрывшие своё имя: Из истории псевдонимов. — М.: Наука, 2019. — 368 с.